

Социальная идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации

Дмитрий Давыдов*

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу феномена социальной идентичности. Автор поднимает вопрос о роли индивидуальных интенций в процессе конструирования коллективных идентичностей. Цель исследования — раскрыть потенциал теории рационального выбора как альтернативного подхода к концептуализации феномена социальной идентичности. По мнению автора, в социологии теория рационального выбора является своеобразной «альтернативой» психологическим теориям, сторонники которых уделяют большое внимание процессам, протекающим на уровне индивида. Работа выполнена в русле полипарадигмального подхода, признающего необходимость совмещений концепций и теорий, по-разному раскрывающих те или иные аспекты реальности.

Ключевые слова. Социальная идентичность, теория рационального выбора.

Необходимость в тщательном теоретическом анализе феномена социальной идентичности объясняется возросшей популярностью проблематики на уровне эмпирических исследований (изучение этнических и национальных процессов, гендерные исследования и т. д.).

Тем не менее в теории социальной идентичности нет единой точки зрения относительно того, чем является идентичность и каковы механизмы формирования и трансформации идентичностей. Существует множество подходов, привнесенных из разных научных отраслей (психология, социальная психология, социология, экономика), по-разному освещающих теоретические аспекты социальной идентичности.

Мы затронем одну из проблемных «точек» в теории социальной идентичности: *вопрос о роли индивидуального действия в процессе идентификации*. Здесь можно выделить две позиции.

Первая берет истоки в психологии личности Э. Эриксона (Эриксон, 2006). Сторонники этой позиции анализируют уровень конкретных индивидов. Как отмечают авторы «Руководства по теории идентичности», теория идентичности личности «отсылает нас к аспектам самоопределения на уровне отдельной персоны... данный анализ может включать цели, ценности и убеждения, религиозные и духовные верования, стандарты поведения и принятия решений, чувство собственного достоинства и самооценку, желаемое или нежелаемое будущее состояние, или же попросту чью-

* Давыдов Дмитрий Александрович — выпускник кафедры политических наук ПГНИУ. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

© Давыдов Д.А., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

либо „жизненную историю“» (Vignoles, Schwartz, Luycx, 2011: 4). При этом теоретики данного подхода, как правило, уделяют большее внимание процессам, протекающим на уровне индивида, часто подчеркивая роль агента в создании или открытии собственной идентичности.

Сторонники второго подхода (социологического), напротив, анализируют уровень социальных структур. Индивид — существо социальное; идентичность — это набор коллективных принадлежностей. Быть частью группы, значит, разделять групповые нормы, верования и ценности. Стало быть, теоретические построения коллективной идентичности «фокусируются на том, как коллективные процессы внутри группы могут менять поведение отдельных индивидов» (Vignoles, Schwartz, Luycx, 2011: 4). То есть нет смысла анализировать «индивидуальный уровень», зато есть смысл рассматривать то, как социальная структура наделяет нас совокупностями идентичностей, и то, как эти идентичности влияют на поведение конкретных агентов социального процесса.

Авторы «Руководства» отмечают, что необходим *интегративный подход*, благодаря которому мы могли бы анализировать оба вектора идентификации: от индивида к социуму и от социума — к индивиду. Например, идентичность женщины-психолога может быть рассмотрена с двух позиций: во-первых, как результат осознанного выбора индивидом профессии (как результат определенного «жизненного пути»), во-вторых, как то, что обусловлено социокультурным контекстом, включая гендерные стереотипы уместного выбора профессии (Vignoles, Schwartz, Luycx, 2011: 9).

Подобные попытки преодоления ограничений психологических и социологических концепций, на наш взгляд, не совсем удачны. Проблема в неполной совместимости предметов психологии и социологии, и, следовательно, целей и задач, которые ставят перед собой исследователи. В социологии идентичность рассматривается в качестве феномена, имеющего *социальную природу*. Суть социологического подхода к концептуализации феномена идентичности можно выразить следующей схемой:

*Индивид А совершает действие Б, поскольку он — часть группы В;
А не совершил бы действие Б, не будь он частью группы В.*

В каком-либо ином виде концепция идентичности теряет смысл в социологии. Это приводит к очевидному противоречию: на уровне абстракций допускается, что индивиды — свободные субъекты; однако при более близком рассмотрении основных социологических парадигм мы сталкиваемся с теоретическими декларациями «смерти субъекта».

Мы считаем, что преодолеть концептуальный холизм социологического подхода к концептуализации феномена социальной идентичности можно только одним путем: рассмотрев в качестве альтернативного решения адаптированную к анализу феномена *социальной идентичности теорию рационального выбора*.

Далее мы сравним основные подходы к концептуализации феномена социальной идентичности, присутствующие на сегодняшний день в социологии, а затем рассмотрим теорию рационального выбора в качестве альтернативного подхода к концептуализации. Наша цель — раскрыть потенциальную возможность теории ра-

ционального выбора «уравновешивать» холизм социологических подходов, привнося в анализ социальной идентичности элементы методологического индивидуализма.

Социальная идентичность как социальный феномен: основные подходы к концептуализации

Структурный функционализм. Парадигма структурного функционализма зарождалась задолго до того, как проблема идентичности стала одной из ключевых в социальных науках.

Несложно догадаться, почему теоретики структурного функционализма не уделяли проблематике идентичности должного внимания. Функционалистские теории фокусируются на целом в обход частного. На первом месте проблема функционирования социальной системы в целом. Социальная группа — «винтик» социального механизма.

Главное понятие в теории социального структурализма — понятие *социального факта*, введенное Э. Дюркгеймом. Дюркгейм противопоставил индивида и социум. Все, что относится к уровню социального, стоит «над» индивидом. Причем относительно социального факта «индивид оказывается в присутствии силы, перед которой он преклоняется, которая над ним господствует» (Дюркгейм, 1995: 137); «*социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение*» (Дюркгейм, 1995: 39). Сюда можно отнести, например, мораль, социальные нормы, предписания и т. д. Но, что более значимо, согласно Дюркгейму, «*социальные факты нужно рассматривать как вещи*» (Дюркгейм, 1995: 40).

Социальный факт, таким образом, объективен не только по своей принуждающей силе, но и по своей природе: «вещь в себе». Социальные трансформации подчиняются естественным — объективным закономерностям.

Казалось бы, при чем здесь идентичность? Дело в том, что теоретики структурного функционализма затрагивают немало аспектов, связанных с проблематикой идентичности. Социальная дифференциация — результат действия объективных социальных законов. У Э. Дюркгейма это — *характер разделения труда*. По мнению Дюркгейма, «разделение труда не только содержит в себе черту, по которой мы определяем нравственность; оно стремится все более и более стать существенным условием социальной солидарности... Благодаря ему индивид начинает осознавать свое состояние зависимости по отношению к обществу; именно от него происходят сдерживающие и ограничивающие его силы» (Дюркгейм, 1991: 371).

Таким образом, идентичность индивидов определяется социальной структурой. Теоретиков структурного функционализма попросту не интересует индивид: в фокусе внимания — функционирование социальных систем в целом. Т. Парсонс пишет: «Социальные системы — это системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами. Если бы свойства взаимодействия можно было вывести из свойств действующих субъектов, то социальные системы были бы эпифеноменом, на чем настаивают „индивидуалистские“ социальные теории. Наша позиция здесь резко противоположна. Она исходит, в частности,

из утверждения Дюркгейма, согласно которому общество — и другие социальные системы — есть реальность *sui generis*» (Парсонс, 1998: 18).

Структурно-функционалистский подход к концептуализации феномена идентичности можно представить в виде следующей схемы:

*Индивид А совершает действие Б, потому что он — часть группы В;
Принадлежность А к группе В определяется социальной структурой.*

Хотя теоретики структурного функционализма практически не говорят об идентичности, существует ряд «родственных» структурному функционализму подходов, связанных с теорией идентичности непосредственно. Среди них можно выделить *инструменталистскую трактовку политической идентичности*. Зародился данный подход в теории этнической идентичности. Политическая идентичность, согласно инструментализму, есть «инструмент», используемый политическими лидерами для реализации собственных интересов в борьбе за власть.

Политическая идентичность — это средство преодоления отчуждения и усиления внутригрупповой солидарности. Как пишет В.А. Тишков, согласно инструментализму, «этничность, как бы пребывая в латентном („спящем“) состоянии, вызывается к жизни и используется в целях социальной мобильности, преодоления конкуренции, доминирования и социального контроля, взаимных услуг и солидарного поведения, для политической мобилизации и достижения гедонистических устремлений» (Тишков, 2001: 232).

При этом, как отмечает Е. Хабенская, теоретики инструментализма «фиксируют внимание на *объективности* этнических характеристик в том смысле, что „принадлежность“ индивида к группе и, соответственно, его „идентичность“ *объективно* определены его местом в общественной организации труда и политической структуре» (Хабенская, 2006).

Отдельно стоит упомянуть об *эссенциализме*. Данный подход не связан со структурным функционализмом напрямую. Тем не менее объективистский вектор присутствует и здесь. Эссенциализм — не теория и не концепция, это, скорее, интеллектуальная «традиция», берущая начало еще в античной философии Платона и Аристотеля. Как пишет Э. Орлова, эссенциализм «основан на исходном, характерном для классической философии допущении об изначальной сущности (эссенции), например, судьбы, предназначения, истины, природы человека и т. п., которые и определяют конкретные идентичности; они неизменны, вечны и непреходящи (женщина, мужчина, европеец, китаец и т. д.)» (Орлова, 2010: 101). Е. Петруцийова отмечает, что сторонниками эссенциализма «сущность человека воспринималась как нечто конкретному человеку предшествующее, в определенной мере априорное, над-временное и неизменное... Правда о человеке как таковом равнялась знанию о его сущности, а правда о конкретном человеке была связана со степенью реализации осуществления этой эйдетической сущности» (Петруцийова, 2010: 103–104).

Парадигма социального конструктивизма дает несколько иное представление об идентичности.

Основная концептуальная редукция, которая была преодолена авторами социального конструктивизма, — это противопоставление индивида и социума. Социальная структура — результат *взаимодействия индивидов*. Нет общества без взаимодействия; нет индивидов без взаимодействия, ибо индивид — существо социальное. Следовательно, общество не статично, а динамично.

Другой немаловажный аспект: отказ от восприятия социального факта в качестве объективного «предмета». Родоначальники социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман рассматривают социальную реальность как конструируемую, т. е. «воображаемую». Индивиды действуют, *исходя из представлений о мире*. Согласно Бергеру и Лукману, «повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» (Бергер, Лукман, 1995: 38).

Именно на основании социальных представлений формируется институциональная структура социума. То, что социальный мир — это мир ограничений и предписаний, отнюдь не значит, что эти ограничения и предписания определены объективной структурой. «Центра», являющегося мерилom социальной справедливости, «нормальности», «моральности» и т. д., не существует.

Индивиды, взаимодействуя, бессознательно создают и воссоздают определенный «символический универсум»: систему ментального восприятия, мироощущения. Данная система со временем кристаллизуется; индивидам кажется, что те или иные нормы являются «истинными», характеризующими «истинную природу» социального мира. Происходит легитимация социального порядка. Социальная структура, имеющая де-факто субъективную природу, кажется индивидам объективно заданной, не зависящей от их воли.

В итоге Бергер и Лукман отмечают: «Социальный порядок не является частью „природы вещей“ и не возникает по „законам природы“. Он существует *лишь* как продукт человеческой деятельности... И в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, только поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности) — это человеческий продукт» (Бергер, Лукман, 1995: 88–89).

Данная концептуальная схема применима к категории «идентичность». Принадлежность к группе — не объективная данность. По мнению П.В. Панова, идентичность «воспроизводится в социальных взаимодействиях постольку, поскольку индивиды осмысливают их под углом зрения соответствующей социальной группы» (Панов, 2011: 94). Кроме того, нет никаких объективных критериев социального размежевания на «Нас» и «Других», кроме тех, что «вымышлены» самими индивидами.

Идентичность — явление социокультурное. Один из главных терминов в теории социального конструктивизма — «социализация». Как отмечают Г.Г. Винограденко и И.В. Фролова, «через процесс интернализации происходит формирование индивидуального социального опыта, а следовательно, и совокупности социально-психологических качеств личности» (Винограденко, Фролова, 2011: 1390). В процессе социализации индивиды усваивают групповые нормы и представления, а также мен-

тальные схемы «социальных типизаций». Групповое единство основывается на способности индивидов воспринимать мир сквозь призму той или иной «картины мира». При этом необходим «Другой»: процесс конструирования идентичности неразрывно связан с процессом формирования ментальных «схем типизаций» — наборов принципов, на основании которых индивиды разделяют социальное пространство на «Нас» и «Других».

В теории социального конструктивизма, как и в структурном функционализме, нет концептуальных схем, благодаря которым мы могли бы анализировать поведение индивида в качестве свободного субъекта, самостоятельно определяющего свою групповую принадлежность. Можно даже сказать, что понятие о свободном субъекте *противоречит* исходным постулатам теории социального конструктивизма. Теоретиков интересует уровень бессознательных интеракций, но не индивид. В теории социального конструктивизма, как отмечает П.В. Панов, «индивиды не выбирают и не создают идентичность, а „открывают“ сообщество в процессе осознания самости и обретения идентичности» (Панов, 2008: 23). Индивид априори социален. Его сознание формируется под давлением социальных предрассудков. Конечно, индивиды могут «отстраняться» от влияния того или иного социального воздействия. Но выход только один: быть подверженным влиянию другого воздействия (например, отстраниться от религии и примкнуть к атеизму — не что иное, как акт «перетекания» из одного дискурсивного поля — в другое).

Наша схема меняется несущественно:

Индивид А совершает действие В, потому что он — часть группы В;

Социальная структура — результат взаимодействия индивидов, но А в отдельности — «социализированный элемент», его «автономность» находится под сомнением.

Постструктурализм — философское направление, зародившееся во Франции второй половины XX в. Однако спектр методологических проблем, поднимаемых философами-постструктуралистами, выходит далеко за рамки философского вектора; данное направление затрагивает также некоторые аспекты социальной теории, среди которых — проблема идентичности.

Можно также говорить, что в теоретическом плане философия постструктурализма родственна социально-конструктивистским идеям. Данные подходы роднит взгляд на социальное пространство как на совокупность ментальных процессов; а также неприятие «объективистских» идей об изначальной предопределенности социальных явлений.

Относительно феномена идентичности стоит отметить концепцию «смерти субъекта», сторонниками которой являются Р. Барт и М. Фуко. Суть данной концепции — в противостоянии рационалистическим идеям свободного субъекта.

Философы постструктурализма пришли к таким «ниспровергающим» идеям, подвергая анализу структуру литературных текстов. Оказалось, что феномен авторства (автору приписывалась роль творца, создающего новые смыслы) — фикция.

По мнению Р. Барта, «фигура *автора* принадлежит новому времени; по-видимому, она формировалась нашим обществом по мере того, как с окончанием средних веков это общество стало открывать для себя (благодаря английскому эмпиризму, французскому рационализму и принципу личной веры, утвержденному Реформацией) достоинство индивида, или, выражаясь более высоким слогом, „человеческой личности“» (Барт, 1989: 385).

На самом же деле «текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл („сообщение“ Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» (Барт, 1989: 388).

Похожая логика у М. Фуко. В статье «Что такое автор?» Фуко пишет: «Автор не является бездонным источником смыслов, которые заполняют произведения; автор не предшествует своим произведениям, он всего лишь определенный функциональный принцип, посредством которого в нашей культуре осуществляется процесс ограничения, исключения и выбора» (цит. по: Ильин, 1996: 89).

Нетрудно догадаться, что концепт «автора» представлен в философии постструктурализма лишь в качестве «наглядного примера». Автор — это не просто тот, чьим именем названо литературное произведение. Это и есть индивид, помещенный в культурную среду, который, как казалось ранее, выступал свободным «творцом» своей судьбы.

Поясним вышесказанное. А.А. Кусаинов справедливо замечает: «В рамках структуралистского подхода текст воспринимается не только как самостоятельный объект, но и как элемент более общей структуры, например, структуры общественных отношений или сознания определенной эпохи. Тогда то, что высказывает текст, определяется его местом в данной структуре. В этом случае не имеет значения, кто говорит» (Кусаинов, 2003: 48). Иными словами, автор — посредник дискурсивной «игры».

Необходимо прочувствовать разницу между теорией социального конструктивизма и допущениями постструктурализма. Авторами постструктурализма был сделан более решительный шаг: усомниться в автономности социальных агентов, говоря о «смерти человека». Интерпретируя философию Фуко, И. Ильин пишет: «... человек [по Фуко] не способен объяснить ни свою сексуальность, ни бессознательное, ни управляющие им системы языка, ни мыслительные схемы, на которые он бессознательно ориентируется... человек не способен дать себе отчет в том, что формирует и изменяет его дискурс...» (Ильин, 1996: 89).

Если в теории социального конструктивизма индивид предстает целостной — «центрированной» единицей, то в постструктурализме сознание индивида нельзя свести к единому «Я». Как отмечает О.А. Симонова, согласно постструктурализму, «идентичность предстает как шов между дискурсами, которые „говорят“ о нас как о социальных субъектах отдельных дискурсов, и процессами, конструирующими нас как субъектов, о которых можно говорить» (Симонова, 2008: 59).

Итак, социально-конструктивистский вектор приводит нас к концепции децентрированного индивида; индивида, чьим поведением руководит коллективное

бессознательное; индивида, чье «Я» — это совокупность дискурсов — культурных «следов», затерянных в глубинах социальной структуры.

Схематично данный подход можно представить следующим образом:

Индивид А совершает действие Б, потому что он — часть группы В;

Сознание А — это совокупность ментальных схем восприятия, культурных «следов». Нет смысла говорить о сознании индивидуальном. Есть смысл говорить о моделях субъективности, воспроизводимых группой В в той или иной социокультурной среде.

Теория рационального выбора и социальная идентичность: попытка альтернативной модели

Рассмотренные теории относятся к социологической традиции анализа социальных явлений от социальной структуры к действиям конкретных индивидов. Дж. Цебелис называет их «теориями без акторов»: «Социальные и политические явления объясняются в духе холизма, с точки зрения системы в целом. Хотя существование рациональных акторов и не отрицается, изучение принимаемых ими решений объявляется второстепенной, неважной задачей. Вескими признаются лишь причинные или функциональные объяснения» (Цебелис, 1997).

Теория рационального выбора, напротив, исходит из принципа методологического индивидуализма: социальная структура складывается в результате действий отдельных индивидов. М. Фармер считает, что теория рационального выбора «предлагает свои объяснения того, как несомненно согласованные и относительно упорядоченные социальные следствия могут проистекать из решений, принимаемых индивидуальными акторами, часто и не думающими об их совокупных или общественных результатах» (Фармер, 1994).

Ключевой термин теории рационального выбора — «рациональность». В.П. Култыгин дает следующее определение: в теории рационального выбора «под рациональностью подразумевается, грубо говоря, что, действуя и взаимодействуя, индивид имеет план и стремится максимизировать совокупность удовлетворенностей своих предпочтений, одновременно минимизируя возможные расходы» (Култыгин, 2004: 28).

Важно отметить следующее: рациональность в таком понимании — не есть разумность; это свойство индивидов стремиться реализовывать свои частные интересы, причем неважно, что составляет структуру этих интересов.

Индивиды не в состоянии оценивать реальность объективно, точно предсказывать возможные последствия тех или иных действий. Однако это не делает их менее рациональными. Автор «экономической теории демократии» Э. Даунс считает, что индивиды «продолжают инвестировать ресурсы в добывание данных, пока предельно возможная отдача от информации не сравняется с предельно допустимыми затратами на ее получение» (Downs, 1957: 215).

Кроме того, как отмечает Г. Беккер, действия индивидов ограничиваются «уровнем доходов, нехваткой времени, несовершенством памяти, способностями к расчету

и другими ресурсами, а также возможностями в экономике и других сферах. Данные возможности и ограничения в значительной степени определяются индивидуальными и коллективными действиями других людей и организаций» (Becker, 1992).

Основная задача, которую ставит перед собой теория рационального выбора, — ответить на вопрос: как возможен социальный порядок, если социальные агенты преследуют частные интересы? Решается данная задача путем заимствования аналитического инструментария из экономической теории: общество — это своеобразный «рынок», где действуют экономические законы. Индивиды, дабы снизить риски и неопределенность, выстраивают систему социальных норм и институтов. Как отмечает Дж. Ритцер, в теории рационального выбора «субъекты рассматриваются с позиции максимизации полезности, возрастающей благодаря частичной уступке прав контроля над самим собой и получению частичного контроля над другими»; причем «поскольку передача контроля не является односторонней, то в случае с нормами равновесие не нарушается» (Ритцер, 2002: 350).

С помощью социальных институтов индивиды не только формируют безопасную и предсказуемую среду для взаимодействий, но также направляют свои частные интересы в общественное русло посредством коллективного действия.

Несомненно, единожды выстроенная социальная структура впоследствии оказывает «принуждающее давление». Однако любая норма берет свое начало в индивидуальной рациональности. Необходимо, чтобы рациональные индивиды перманентно поддерживали согласие относительно «правил игры», тем самым легитимируя социальный порядок в целом.

* * *

Теория рационального выбора и концепт идентичности — вещи на первый взгляд несовместимые. Как пишет Дж. Коулман, хотя в «социологической теории рационального выбора важную роль играют понятия социальной организации и социальных институтов... на первое место выходит социологический вопрос о том, *как и почему рациональные индивиды выстраивают такие институты и затем поддерживают их существование*» (Коулман, 2002: 35; курсив мой. — Д.Д.).

Проблема в том, что многие теоретики рационального выбора *не видят смысла в концепте идентичности*: индивид А совершает действие Б, потому что он считает рациональным делать Б, а не В. Как видно, элемент идентичности из цепи «выпадает». Индивид — разумный субъект, удовлетворяющий свои потребности путем поиска наиболее оптимальной альтернативы. Социум — поле взаимодействия таких индивидов. Индивиды свободны от «принадлежностей», руководствуются только своими индивидуальными (а не групповыми) предпочтениями.

Тем не менее в социальной теории намечаются сдвиги в сторону *синтеза* концепта идентичности и теории рационального выбора. В статье «Может ли теория рационального выбора совладать с идентичностью?» испанские исследователи Ф. Агияр и А. де Франциско обобщают интеллектуальный опыт в данной области¹: теоретики

1. Методологические основания представлены в трудах Дж. Акерлофа и Р. Крэнтона (см.: Akerlof, Kranton,).

рационального выбора рассматривают идентичность «либо как набор желаний, либо как набор убеждений» (при условии, что эти желания и убеждения субъективны и рациональны); «индивиды не всегда стремятся максимизировать инструментальные выгоды... но часто желают выразить свое „Я“, то есть действовать в соответствии с социальной идентичностью»; поэтому «теория рационального выбора может включать желание выразить идентичность как еще один аргумент функции полезности» (Aguilar, Francisco, 2008).

Правда, сами авторы не соглашаются с некоторыми суждениями: «идентичность не может быть понята как желание, но только как ресурс желаний»; «если невозможно рассмотреть идентичность в качестве набора желаний, то единственный выход — рассмотреть идентичность в качестве набора субъективных убеждений»; идентичность — «верования индивидов о социальном мире» (Aguilar, Francisco, 2008). Выстраивается следующая схема: индивиды предпочитают действовать, чтобы выразить свое «Я» (self-expressed action); идентичность является «объектом желания» (например, гордость за свою страну); основа идентичности — верования, которые разделяются индивидами постольку, поскольку они являются членами одной группы².

То есть идентичность может являться *самоценностью*. Суть данной концепции можно продемонстрировать на примере электоральных процессов. Как отмечает А. Шюслер, «голосование может являться средством выражения политических убеждений и предпочтений и, следовательно, установления и поддержания идентичности». Это объясняет, почему индивиды предпочитают идти на выборы, даже если влияние отдельного голоса на совокупный результат ничтожно мало. Индивид идет на выборы не ради получения инструментальных выгод (в надежде на то, что последствия выборов скажутся на его благополучии), а ради самоэкспрессии: выразить свое «Я» (Schuessler, 2000: 87).

Концептуальная схема будет выглядеть здесь следующим образом:

*Индивид А совершает действие Б, потому что он — часть группы В;
Действие Б рационально, поскольку приносит определенные выгоды в виде самоэкспрессии: быть частью группы В — субъективная ценность А.*

Несмотря на методологический индивидуализм, в данной концепции остается неизменной первая часть концептуальной схемы, подчеркивающая *взаимосвязь индивидуального действия и групповой принадлежности*.

Выводы

Один из актуальных вопросов теории социальной идентичности: «Как соотносятся социальная структура и свободный выбор индивида в процессе идентификации?». Проведя сравнительный анализ основных подходов к концептуализации феномена социальной идентичности, мы пришли к выводу, что по данному вопросу можно вы-

2. В теории рационального выбора допускается, что верования и предпочтения индивидов могут совпадать.

делить две основные позиции. Сторонники первого подхода (структурный функционализм (отчасти), социальный конструктивизм, постструктурализм) считают, что определяющими факторами формирования социальных идентичностей являются особенности социальной структуры: индивиды в процессе социализации усваивают коллективные представления, нормы, ценности, что и определяет их будущее «Я» в социуме.

Второй подход (теория рационального выбора), напротив, постулирует принцип методологического индивидуализма. Поведение *homo economicus*, действительно, зачастую зависит от его групповой принадлежности. Однако это не умаляет значимости рационального выбора. Сторонники теории рационального выбора находят простое решение: рассматривать идентичность не в качестве того, что формирует модели субъективности, но в качестве ресурса, который рациональные индивиды используют в своих целях. Групповая принадлежность может являться самооценностью, что и объясняет тот факт, что индивиды зачастую предпочитают действовать в группе так, как если бы они не действовали в одиночку. При этом любая «принадлежность» определяется свободным выбором: если социальное «Я» не приносит удовлетворенности, индивид будет стремиться сменить свою принадлежность.

Мы считаем, что наиболее рациональной будет такая схема концептуализации, которая интегрировала бы оба подхода. И здесь, наверное, нет необходимости выстраивать единую синтетическую теорию, что повлекло бы за собой попытку сочетать несочетаемое. Необходимо признать, что истина находится где-то посередине. Ни один из подходов не является исчерпывающим; однако их комплексное совмещение позволяет выстраивать более полную картину мира.

Литература

- Барт Р.* (1989). Смерть автора / пер. с фр. С. Н. Зенкина // *Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика.* Москва: Прогресс. С. 384–391.
- Бергер П., Лукман Т.* (1995). Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Д. Руткевич. Москва: Медиум.
- Винограденко Г.Г., Фролова И.В.* (2011). Социализация, интернализация, идентичность: диалектика взаимосвязи // *Вестник БашГУ.* Т. 16. № 4. С. 1389–1391.
- Дюркгейм Э.* (1991). О разделении общественного труда // *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии* / пер. с фр. А.Б. Гофмана. Москва: Наука. С. 3–390.
- Дюркгейм Э.* (1995). Метод социологии // *Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение* / пер. с фр. А.Б. Гофмана. Москва: Канон. С. 7–158.
- Ильин И.П.* (1996). Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва: Интрада.
- Коулман Дж. С.* (2002). Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора / пер. с англ. М.С. Добряковой под ред. В.В. Радаева // *Экономическая социология.* Т. 5. № 3. С. 35–44.
- Култыгин В.П.* (2004). Теория рационального выбора: возникновение и современное состояние // *Социологические исследования.* 2004. № 1. С. 27–36.
- Кусаинов А.А.* (2003). Французская «новая философия» и культура постмодерна. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

- Орлова Э.А. (2010). Концепции идентификации/идентичности: антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории. Т. IV. С. 87–111.
- Панов П.В. (2011). Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. Москва: РОССПЭН.
- Панов П.В. (2008). Концепция сообщества и исследование политики // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2008. № 2 (4). С. 19–30.
- Парсонс Т. (1998). Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. Москва: Аспект-Пресс.
- Петруцийова Е. (2010). По следам человеческой идентичности // Мысль. 2010. Вып. 10. С. 103–112.
- Ритцер Дж. (2002). Современные социологические теории / пер. с англ. А. Бойкова, А. Лисицыной. Санкт-Петербург: Питер.
- Симонова О.А. (2008). К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45–61.
- Тишков В.А. (2001). Этнология и политика. Научная публицистика. Москва: Наука.
- Фармер М. (1994). Рациональный выбор: теория и практика // Полис. 1994. № 3. С. 47–58.
- Хабенская Е.О. (2006). Этническая идентичность: подходы к проблеме // Бюллетень Владикавказского института управления. 2006. № 20. С. 57–81.
- Цебелис Дж. (1997). В защиту теории рационального выбора // Современная сравнительная политология: Хрестоматия / пер. с англ. А. Л. Сидоров под ред. Г. В. Голосова, Л. А. Галкиной. Москва: Московский общественный научный фонд. С. 52–83.
- Эрикссон Э. (2006). Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. А.Д. Андреевой и др. Москва: Флинта; МПСИ; Прогресс.
- Aguiar F., Francisco A. (2008). Can rational choice cope with identity? <<http://digital.csic.es/bitstream/10261/7758/1/conferenciaifernando.pdf>>
- Akerlof G.A., Kranton R.E. (2000). Economics and identity // Quarterly Journal of Economics. Vol. CXV. № 3. P. 715–753.
- Becker G. S. (1992). The economic way of looking at life. <<http://home.uchicago.edu/gbecker/Nobel/nobellecture.pdf>>
- Downs A. (1957). An economic theory of democracy. New York: Harper and Row.
- Schuessler A.A. (2000). Expressive voting // Rationality and Society. Vol. 12. № 1. P. 87–119.
- Vignoles V.L., Schwartz S.J., Luyckx K. (2011). Introduction: toward an integrative view of identity // Handbook of identity theory and research / ed. S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles. New York: Springer. P. 1–27.